

Неужели нельзя иначе?

„Въ настоящее время закончено разслѣдованіе о кровавой драмѣ, разыгравшейся 1-го января ¹⁾ въ домѣ № 10 по Коломенской улицѣ, у входа въ старообрядческую молельню.

Выяснилось, что пѣвчіе старообрядческой молельни, Григорій Макшеевъ и Прохоръ Петрушенко, будучи въ нетрезвомъ видѣ, на Коломенской улицѣ поссорились.

Макшеевъ, всплывъ, рѣшилъ отомстить врагу.

Когда они поднимались по лѣстницѣ въ старообрядческую молельню, Макшеевъ набросился на Петрушенко и ножомъ нанесъ ему рану въ голову.

На крики раненаго сбѣжались жильцы, и Макшеева обезоружили.

На площадкѣ лѣстницы лежалъ, истекая кровью, раненый пѣвчій.

Тотчасъ же на мѣсто кровавой драмы прибылъ помощникъ пристава и околоточный надзиратель, по распоряженію которыхъ Петрушенко отправили въ Обуховскую больницу“.

Это сообщеніе помѣщено въ „Петербургскомъ Листкѣ“.

Обычное сообщеніе для нашего безпутнаго времени! У насъ теперь кровавая расправа въ ходу. Жизнь человѣка ни за копейку не считается. И не только жизнь человѣка—чужая, но и своя даже: десятками отмѣчаются ежедневныя самоубійства по разнымъ причинамъ и даже безъ таковыхъ. Къ нимъ такъ всѣ „причитались“, что даже и интересоваться перестали... Обычно... Чего тутъ?.. Но такъ ли это, вотъ вопросъ! Вотъ хоть бы этотъ случай: Макшеевъ, пѣвчій Петербургскаго, столичнаго *старообрядческаго* храма, расправился ножевою расправою съ своимъ сотоварищемъ по службѣ, тоже пѣвцомъ, Петрушенко. Пусть это въ не трезвомъ видѣ... Но развѣ это извиняетъ?.. Прежде всего этотъ самый *не трезвый видъ*?.. Онъ развѣ допустимъ въ средѣ *служителей Божіихъ*? Въ средѣ *нашей, истинно христіанской*, какъ мы настойчиво именуемъ себя по существу нашей вѣры... Ну пусть мы слабы... Опьянѣли... Мы люди... А кто слабъ не бывалъ и... ошибокъ не дѣлалъ... Это, такъ сказать, хотя и зазорно, но терпимо. Но вотъ какъ можно дойти до такого ужаснаго звѣрства, какъ убійство сотоварища, и притомъ *на ступеняхъ храма, храма Бога милосердія и всепрощающей, всезабывающей любви*... Это ужъ положительно непонятно по своему ужасу и безобразности.

Товарищи... Служители Бога... Ежедневно служащіе въ домѣ Бога любви, кротости, смиренія и ежедневно поучающіеся изъ этихъ службъ завѣтамъ Христа—любви къ ближнему, въ пьяномъ видѣ рѣжутъ одинъ другаго на ступеняхъ дома Божія!.. Не ужасъ ли это?.. Не ужасъ ли это, которому имени нѣтъ на языкѣ человѣка?!

Вѣдь по святоотеческой этикѣ люди, идя въ храмъ, прощаютъ всѣ

¹⁾ 1911 года.

обида ближнимъ... примиряются съ врагами и только тогда идутъ въ храмъ. Это требуется и святымъ евангеліемъ: *Аще убо принесеши даръ твой ко алтарю и ту помянешь, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ алтаремъ и шедъ, прежде смирися съ братомъ твоимъ и тогда пришедъ, принеси даръ твой.* (Мѡ. V—23 и 24). И право, это не пустякія слова... Это глубокая продуманная мысль для устройства блаженной жизни людей... И вотъ вмѣсто прощенія при входѣ къ алтарю, люди у его преддверія производятъ кровавое убійство одинъ другого, и это потому только, что, „будучи въ не трезвомъ видѣ, поссорились“... Какъ невыносимо тяжело читать эти строки!.. Въ не трезвомъ видѣ поссорились!.. Навѣрно и поссорились-то по такимъ пустякамъ, которые не только не стоятъ жизни человѣка... пролитія крови его на ступеняхъ храма, но, возможно, даже не стоятъ и самой ссоры-то этой.

Зарѣзанъ братъ-человѣкъ... ежедневный сослуживецъ предъ алтаремъ Бога въ пѣніи славословія и благодарности Богу... Оскверненъ храмъ братоубійствомъ... Оскверненъ человѣкъ-христіанинъ, заклеившій себя братоубійствомъ... Осквернена или, точнѣе, опозорена церковь—общество людей, именующихъ себя христіанами... Конечно, и наше общество, какъ и всякое общество, такъ же „именующее“ себя христіанскимъ, уже давно принизило свои христіанскіе идеалы и потому не покраснѣло краскою стыда за брата преступника... За брата преступника, вышедшаго изъ его среды. Такъ сказать, этимъ обществомъ воспитаннаго... Оно холодно отнеслось къ этому ужасу, ибо и оно, успокаивающее себя своимъ христіанствомъ, слишкомъ пріобыкло къ преступленіямъ своихъ братій христіанъ... Кичливо зовущихъ себя таковыми, когда въ жизни, на дѣлѣ, въ дѣйствительности, и они далеко не таковы.“

Оно, если хотите, даже и вниманія не обратило на это безобразное по своему ужасу происшествіе, ибо—это очень обычно.

А между тѣмъ, развѣ это должно бы быть такъ? Развѣ ужъ нельзя ему остро отозваться на этотъ позорящій все христіанское общество случай?

Развѣ тѣ, кому ввѣрено руководство поступками людей, не должны заволноваться и принять мѣры къ надлежащему воздѣйствию на душу ихъ пасомыхъ и внѣдрять въ ихъ сознаніе всю преступность убійствъ? Убійствъ не только нравственно, по Божьему закону, преступныхъ, но даже преступныхъ предъ простымъ здравымъ разсудкомъ: вѣдь дѣянія мести, кромѣ ужаса самаго совершенія злодѣянія убійства, еще разсудочно бесполезны. Бесполезны они для убитаго, ибо онъ, будучи убитъ, ужъ ничему отъ этого убійства не научится, бесполезны они и для убійцы, которому грозитъ кара закона гражданскаго, кара Божья и мученія совѣсти отъ сознанія совершенія дикаго поступка. Какъ бы человѣкъ золь ни былъ, но ему трудно спокойно переживать такого рода поступки, которые огненными знаками врѣжутся въ его сознаніе и будутъ постоянно мучить его... Опомнившись, придя въ болѣе спокойное состояніе, человѣкъ пойметъ все безуміе совер-

шеннаго имъ и потому не сможетъ не мучиться въ своемъ сознаниі ужасомъ совершеннаго злодѣянiя. Вся сцена убійства, какъ жгучимъ пламенемъ, будетъ отпечатана въ его мозгу. Презрѣніе людей. Процессъ суда, наказаніе, разореніе, разлука съ семьей, родиной, домомъ—докончатъ эти мученiя.

Вотъ поэтому-то и лежитъ долгъ на пастыряхъ душъ пасти эти души, воспитывая ихъ сознание до степени, когда оно будетъ руководить поступками человѣка во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

Христiанинъ—тогда христiанинъ, когда онъ проникся ученіемъ Христа настолько, что оно въ его сознаниі превращается въ такую руководящую его поступками силу, которая не даетъ ему возможности совершать что-либо грубое, дикое или злое. Истинный христiанинъ прежде всего не напьется настолько, чтобы забыть свое человѣческое достоинство. Но если, паче чаянiя, съ нимъ и случится нѣкоторая степень опьяненiя, то христiанское сознание превратитъ это опьяненіе въ еще большую любовь къ брату человѣку. Въ любовь. Въ прiязнь. Въ товарищество, а никакъ не въ злобу, вплоть до убійства.

Къ нашему горю мы потеряли хорошихъ воспитателей. Пастыри церкви, какъ хорошіе воспитатели своихъ пасомыхъ, крайне рѣдки нынѣ. Наши родители, увлеченные заботами міра сего, заботами о добыванiи рубля, вовсе забыли воспитывать дѣтей въ истинѣ свѣта—христiанскаго ученiя. Погрязшіе въ меркантильныхъ заботахъ, они и дѣтей воспитываютъ только въ пониманiи этихъ заботъ и расчетовъ. Это въ классахъ достаточныхъ, а въ классахъ неимущихъ—сами грубые, не воспитанные, невѣжды, задавленные въ будни работою, а въ праздники отравленные въ полугарѣ трактирной жизни, родители и дѣтямъ прививаютъ эту жизнь.

Опьяняться за грѣхъ ужъ давно не считается. Выкидывать въ пьяномъ видѣ дикiя выходки считается удальствомъ, своего рода достоинствомъ. Дать „тумака“ почти безъ причины товарищу или дать „сдачи“—это похвально.

Хвастаться потомъ своими „подвигами“ (безобразiями) ужъ и вовсе великая „честь“. Сквернословіе, табакъ и т. п. „качества“ тоже относятся къ достоинствамъ, тоже „удальство“, и потому этими качествами стараются щегольнуть, превзойти другъ дружку.

Ну, а отсюда ужъ недалеко и до убійства.

Вотъ вслѣдствіе такого-то воспитанiя мы и вынуждены любоваться современными ужасами какъ въ жизни семейной, общественной, такъ и въ государственной.

Воспитаніе единицы есть, въ сущности, воспитаніе массъ.

Наши пѣвцы или, проще сказать, наши дьячки обычно выходятъ изъ тѣхъ же дурно-воспитанныхъ массъ. (Я не говорю всѣ, но большинство, и притомъ изрядное, это утверждаю). Какая была среда, ихъ воспитавшая, таковы и они!

Всѣ мы отлично знаемъ, что за поведеніе этихъ лицъ на ихъ общественной, и притомъ такой высокой службѣ, какъ служеніе въ храмѣ, такъ что, право, едва ли стоитъ объ этомъ говорить. Право, всѣ отлично знаютъ, что все свободное время, котораго у нихъ болѣе чѣмъ достаточно, они убиваютъ, какъ говорили въ старину, по кабакамъ, а нынѣ—по ресторанамъ, а очень часто даже и непотребнымъ домамъ, хотя сіе послѣднее ужъ въ особенности, казалось бы, имъ не къ лицу; но, однако, это такъ.

Унять ихъ некому: священники надъ ними какъ-будто не властны, а попечители иногда глаза на это закрываютъ, а иногда съ большимъ удовольствіемъ выслушиваютъ часами ихъ рассказы о неприличныхъ похожденияхъ, часто „забавныхъ“, „пикантныхъ“ и даже „уморительныхъ“.

Напиваясь, они напиваются „добросовѣстно“, что называется до-сыта, а иногда и „до ризъ положенія“, ну тогда и творятъ всякое „неподобное“. А отсюда-то ужъ совсѣмъ близко и до убійствъ...

Это вездѣ такъ бываетъ. И если читатель присмотрится и къ своему причту, то и тамъ онъ многое найдетъ похожимъ на мною описанное.

Это такъ бываетъ теперь. Это такъ дѣлается,—ну, а развѣ нельзя иначе?

Нужно оговориться: петербургскій случай совершенъ въ средѣ безпоповцевъ. Но это, я думаю, нисколько не измѣняетъ сути дѣла.

Н. Зенинъ.

УГОЛОКЪ ЖИЗНИ.

Подъ окномъ бушевалъ порывистый вѣтеръ, то ослабѣвая, то съ новой силой, какъ-будто вырываясь изъ засады, стремительно набрасываясь на землю. Высокіе оголенные тополи, освѣщенные серебристымъ свѣтомъ луны, глухо шумѣли вершинами и при сильномъ порывѣ вѣтра сильно сгибали свой стройный станъ. Ставни оконъ, качаясь направо и налево, жалобно стонали, вызывая въ сердцѣ раздраженность и какую-то глухую скорбь. Сегодня не доносятся до слуха дикіе мотивы пѣсенъ разгулявшагося казачества, не слышно жалобныхъ звуковъ дешевой гармоникки. Если бы не лай и не завываніе собакъ, доносившееся откуда-то издалека, и неожиданно раздавшійся выстрѣлъ, то можно было бы подумать, что здѣсь, въ этихъ бѣлыхъ хатахъ, погребены тѣла давно умершія, что здѣсь нѣтъ присутствія жизни.

Вѣтеръ свободно, полновластнымъ хозяиномъ, разгуливалъ среди спящихъ казацкихъ хатъ и сбрасывалъ съ крышъ плохо прикрѣпленный камышъ.

Иванъ Владимировичъ стоялъ у окна своей маленькой комнаты и задумчиво глядѣлъ вдаль. Луна спокойно, безстрастно смотрѣла на землю, по временамъ закрывая свое лицо маленькими бѣлыми тучками. Серебри-